ОПЫТ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРСКИХ ГОРОДОВ XVIII в.
(по материалам археологических исследований города Березова 2008 г.)

Г. П. ВИЗГАЛОВ, О. В. КАРДАШ

Проблема культурной и этнической идентификации поселенческих объектов по вещевым комплексам является одной из основных задач археологических исследований. Для ранних периодов истории Северо-Западной Сибири основным культуроопределяющим признаком (или *индикатором культуры*) служит глиняная посуда, изготовленная местным населением. Для периода от XII–XIII вв., когда эта категория предметов исчезает, и вплоть до XVIII–XIX вв. такой признак отсутствует. В песчаном и супесчаном грунте, характерном для большинства памятников региона, сохраняются преимущественно металлические изделия, большинство из которых импортные и, следовательно, не могут служить для памятников аборигенного населения полноценным этнокультурным индикатором. Таким образом, на современном этапе изучения древностей коренного населения Северо-Западной Сибири XIII–XVIII вв. проблема формирования комплекса культуроопределяющих признаков остается актуальной.

Дополнительной сложностью при решении поставленной проблемы является отсутствие документальных источников. Даже для XVII в., когда появляются русские делопроизводственные документы, содержащие указания на этническую принадлежность народов колонизируемых территорий, проблема идентификации этносов на основе анализа предметов материальной культуры продолжает оставаться далекой от однозначного решения.

В последнее десятилетие в субарктической зоне Северо-Западной Сибири активно исследуется несколько археологических памятников с замороженным культурным слоем: с 1998 г. — Надымский городок, с 2000 г. — городище Мангазея, с 2003 г. — Войкарский городок, в 2004–2005 гг. — Полуйский городок, в 2007–2008 гг. — городище Бухта Находка, с 2008 г. — Старотуруханское городище (Визгалов, Пархимович 2008а; Визгалов 2010а; Кардаш 2008; 2009; Брусницина 2003; 2005; Федорова 2004; 2006). Изучение на Крайнем Севере синхронных позднесредневековых поселений, оставленных как аборигенным, так и русским населением, дает возможность выделять и для тех и для других культуроопределяющие комплексы вещей, а это, в свою очередь, позволяет не только сопоставлять между собой разнокультурные поселения, но также проводить культурную и этническую идентификацию вещевых комплексов, полученных при раскопках других памятников, в том числе и на территории таежной зоны Западной Сибири. Опыту такой идентификации, проводившемуся на материалах раскопок Березовского городища, посвящена настоящая работа.

Березов — один из первых русских городов на севере Западной Сибири. Большинство исследователей сходится во мнении, что он был основан в 1592–1593 гг. отрядом казаков под командой воеводы Н.В. Траханиотова на берегу реки Оби близ устья реки Сосьвы (Миллер 2005: 274; Шашков 2003: 44). Вместе с тем, дата основания города все еще остается дискуссионной (Андреев 1940: 152–155; Резун 1981: 38–40; Резун, Василевский 1989: 108–109; Солодкин 2004: 39 и др.).

С момента основания и на протяжении последующих 300 лет город Березов служил административным центром обширного уезда включавшего бассейн нижнего течения р. Обь (Абрамов 1857: 383–401). Одной из обязанностей городских чиновников города было управление волостями, заселенными аборигенным населением и осуществление ясачного сбора. Именно фискальная деятельность администрации провоцировала неоднократные восстания коренных жителей и нападения на уездный центр, последнее из которых случилось в 1760 г. (Абрамов 1857: 367–368; Миненко 1975: 291–299).

Археологическое изучение культурного слоя Березовского городища было начато в 2005 г. и продолжено в 2007 г. (Визгалов 2006: 2007; 2010б; Визгалов, Пархимович 2008б). В 2008 г. комплексной экспедицией ООО «НПО Северная археология» во главе с Г. П. Визгаловым при участии С. Г. Пархимовича и сотрудника ИИМК РАН А. В. Курбатова на территории современного пос. Березово были заложены два раскопа (на месте кремля и на месте ближайшего посадского острога), а также шурфы для выявления распространения культурного слоя посада (рис. 1). Общая площадь раскопок в 2007–2009 гг. составила 852 м^2. В результате исследований было изучено 16 жилых и 8 хозяйственных построек, остатки крепостной стены и проезжей башни кремля (Визгалов 2010б).

Мощность культурного слоя Березовского городища неравномерна. В кремле из-за искусственных разрушений глубина слоя не превышает 0,5 м. Предметы из органических материалов и остатки строений из дерева находились в состоянии тлена. На городском посаде в раскопе № 2, обнаружен участок слоя, замерзший в нижней части, где найдены многочисленные предметы из дерева, кости, кожи и ткани. Именно эти материалы вызвали особый исследовательский интерес.

Судя по чертежам конца XVII в. и конца XVIII в., раскоп № 2 (216 м^2), заложенный в северной части посадского острога, пришелся на участок квартала, примыкающего к центральной городской площади Березова (рис. 1). Это был район престижной застройки, где находились дворы наиболее привилегированных жителей города. Культурный слой, судя по находкам монет, начал формироваться на рубеже XVII–XVIII вв.

В площади раскопа зафиксированы остатки 11 строений (рис. 2). Все они ориентированы по оси север–юг. Постройка 1 (5 × 5 м) рублена в обло с остатком. В ее внутреннем интерьере, на верхнем уровне, соотносимом с XIX в., фиксируются центральное углубление, нары по периметру, в углу, слева от входа, остатки чувала, что позволяет определить жилое назначение постройки.

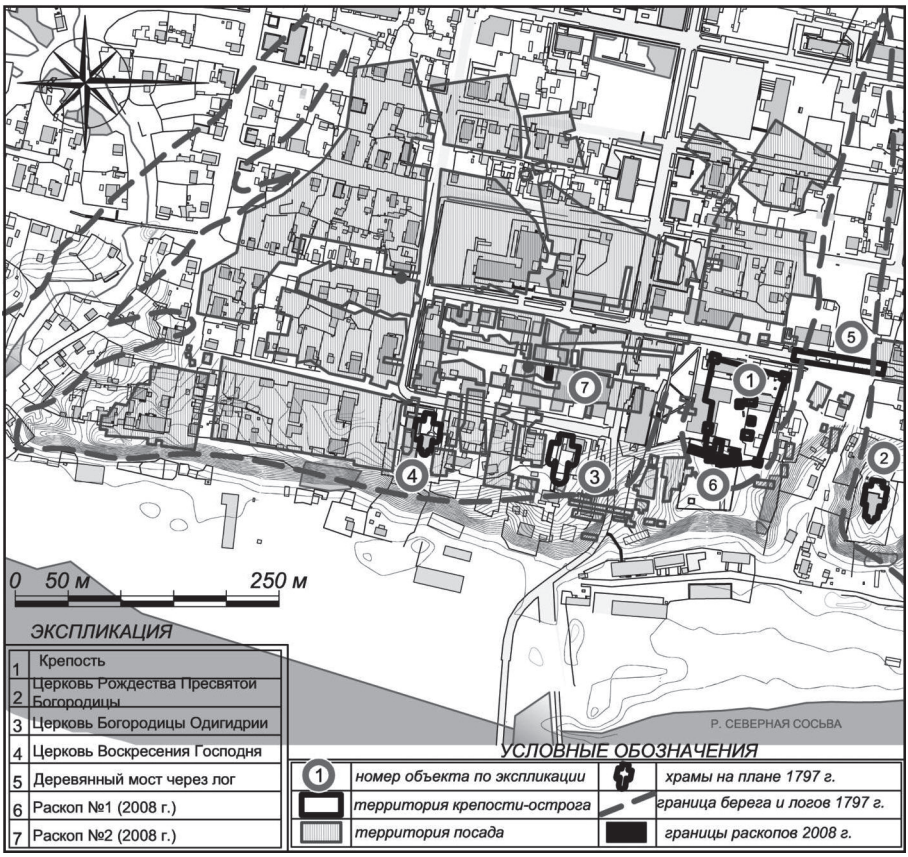

Рис. 1. Фрагмент современного генерального плана пос. Березово, совмещенный с планировкой чертежа 1797 г. — «План Тобольской губернии уездного города Березова с показанием на оном ныне стоящего строения и вновь прожектированного расположения. Сочинен 1797-го года» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 21694). Масштаб 1 : 5000

Ниже это же строение представляет собой двойной сруб с размером внутреннего помещения 3 × 3 м. Отсутствие дверного проема и конструкция дополнительной термоизоляции позволяют определить постройку как хозяйственную (холодный амбар). Подобные строения были не редки в Березове — они упомянуты, в частности, в документе 1750 г.: «погреб деревянной двоестенной осыпан землею для содержания в летнее время от теплаго воздуху» (РГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 8, д. 6046, л. 8). Очевидно, что по истечении времени обветшавший или обгоревший при пожаре сруб амбара использовали в качестве фундамента для нового жилого строения.

Постройка 2 (4 × 4 м), также рубленная в обло с остатком, примыкает с запада к постройке 1. Южные фасады обеих построек выстроены по одной оси и, очевидно составляли комплекс. Заметим, что они вписываются в планировочные оси расположенных рядом построек 8 и 10 и изначально образовывали с

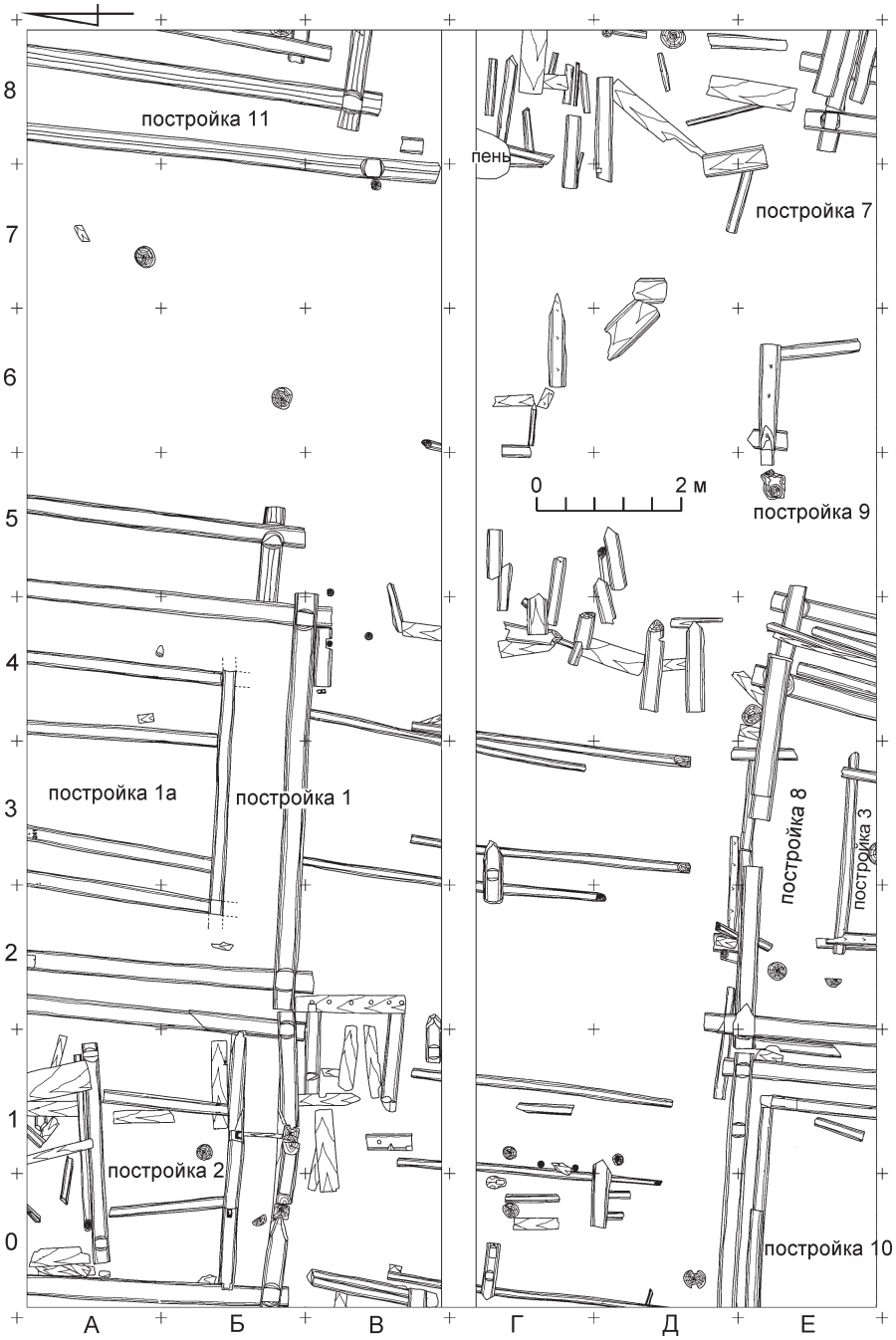

Рис. 2. Березовское городище, план раскопа № 2 на территории посадского острога

ними одну группу зданий, возведенных по единому плану (рис. 2). Постройка имела вход с юга в виде дверного проема шириной 80 см с шарнирной дверью. Справа от входа в углу находилась печь (чувал?). Пол был выстлан досками, вдоль задней стены располагались нары шириной 1,2 м. Постройка функционировала как жилое помещение только в XVIII в. Ее конструкция и архитектура идентична многочисленным русским домам XVII в., известным на севере Сибири, например, по раскопкам Мангазеи (Визгалов, Пархимович 2008а: 34–60, рис. 24–79, л. 7, 9–25). Вместе с тем интерьер постройки аналогичен интерьерам жилых построек остяцких кварталов Надымского городка середины XVII–первой трети XVIII в. (Кардаш 2009: 53–56, рис. 2.40–2.73).

Хозяйственная постройка 3 (2 × 2 м), возведенная из досок «в охрябку» (в простую лапу), расположена напротив входа в постройку 1. Дверной проем не фиксируется, пол дощатый в один уровень по всей площади. Постройка находит прямую аналогию в постройке 3 остяцкого квартала Надымского городка, также имевшую хозяйственное назначение (Там же: 54–55, рис. 54, 2.62–2.65).

Взаиморасположение построек создает впечатление остатков регулярной застройки. Несколько выбивается по месту расположения, размерам и архитектуре только постройка 3.

Очевидно, что обнаруженные в раскопе постройки предназначались для проживания служилого населения и относятся ко времени существования в Березове укрепленного посада.

В домах и близ них в замерзшем культурном слое были обнаружены предметы, типы и облик которых находит много параллелей в коллекциях вещей из раскопок городков аборигенного населения Нижней Оби, таких как Надымский и Полуйский городки середины XVII–первой трети XVIII в. Среди находок из раскопа № 2 около 200 изделий из дерева, кожи и кости имели вид аборигенных изделий (Там же: 132–195, рис. 3.1–3.82; Приложение III, табл. I). Представим для сравнительного анализа наиболее показательные группы находок.

Близ постройки 2 был обнаружен кожаный элемент специфического женского пояса — вороп (рис. 3, *12, 13*). Аналогичные предметы из бересты и кожи имеются в Надымской и Полуйской коллекциях (Кардаш 2005а: 55, рис. 176; 2009: 134, рис. 3.1, *6, 15, 16*). Этот предмет туалета бытовал в аборигенной среде по крайней мере с XIII в. (Кардаш 2008). Его наличие маркирует непосредственное присутствие или проживание взрослой женщины, выросшей и воспитанной в традициях культуры аборигенного населения региона.

Среди находок обуви преобладают предметы русского облика, но тем не менее имеется несколько обувных головок из телячьей кожи, подобных надымским и полуйским находкам (рис. 3, *8, 10, 11*). Такие головки для туфель (котов) и сапог с суконным голенищем (ныриков) бытовали в культуре аборигенного населения с XVI в. (Кардаш 2005а: 55, рис. 134, 135, 137; 2009: 134–135, рис. 3.6, 3.7, 3.8, *5–7*).

Среди предметов, связанных с охотой и рыболовством, имеется представительная серия наконечников стрел из дерева и кости (рис. 4, *1–8*), типологи-

Рис. 3. Детали костюма из раскопок сибирских городов XVIII в.: 1–2 — туфли-коты; 3–7 — детали обувных головок из телячьей кожи; 8–11 — обувные головки из телячьей кожи; 12–13, 15 — фрагменты воропов из телячьей кожи; 14, 15–16 — берестяные воропа
1–2, 14–15 — Надымский городок; 3–7, 16–17 — Полуйский городок; 8–13 — Березовское годище, раскоп № 2

чески близких аборигенным изделиям из раскопок синхронных памятников. Детали ловушки — верши (фитиля), деревянные крюки сетей для подледного лова и поплавки для ставных сетей близки полуйским и надымским находкам.

Особо следует отметить два орнаментированных наконечника томаров из коллекции Березовского городища (рис. 4, *9, 10*). Как резной, так и красочный орнамент этих предметов имеет прямые аналогии в декоре котловых ложек и наконечников, происходящих с памятников Нижней Оби, в частности — Надымского и Полуйского городков (рис. 4, *11, 27, 28*). Орнаментированный наконечник — крайне неординарная находка для этих памятников — один на сотню. Вероятно, такой декор отражал особый статус как предмета, так и владельца. Например, грузило для калыданной сети, принадлежавшее обдорскому князю Тайшину, имело орнамент. С этим грузилом князю полагалось провести первый лов, чтобы обеспечить удачу в промысле всей общине (Кардаш 2003б). Для расписных томаров также не исключена подобная функция.

Предметы быта представлены преимущественно деревянной и берестяной утварью: деревянные корыта, берестяные короба и корытца, котловые ложки, ножи в деревянных рукоятях и др. Представим ту часть предметов, которые находят прямые аналогии среди вещей из раскопок нижнеобских памятников. Одним из знаковых предметов является рукоять для удерживания кончика лезвия ножа при заточке (рис. 4, *12*) — с ее помощью достигается строго перпендикулярное положение лезвия по отношению к бруску. В Нижнем Приобье такие приспособления широко представлены в коллекциях Надымского и Полуйского городков (Кардаш 2006: 38; 2009: 163, рис. 3.31, *5–8*). Подобные предметы нам неизвестны ни в публикациях этнографических материалов ханты, ни в вещевых комплексах южных и восточных ханты XIX–начала XX в. (Janko 2000; Сирелиус 2001; Мартин 2004; Кулемзин, Лукина 1977 и др.). Из этнографических параллелей нам удалось найти такие предметы лишь на Севере — в пос. Горнокнязевск (Кардаш 2003а), в наборе ножей последнего обдорского князя И. И. Тайшина (рис. 4, *13, 14*). В настоящее время такие приспособления отсутствуют в культуре как северных ханты, так и ненцев. Очевидно, что данный предмет в некоторой степени маркирует северную связь вещевого комплекса усадьбы с Северным Приобьем.

Берестяная посуда представлена фрагментами и целыми туесами (короба) и куженьками (корытца). Орнаменты разнообразны, выполнены скоблением по так называемой весенней (коричневой) бересте, присутствуют как геометрические, так и криволинейные сюжетные и символические. Эти орнаменты близки орнаментам различных групп современных ханты, а также находят параллели в символах и приемах орнаментации изделий из Надымского и Полуйского городков: зубчатое заполнение контура (рис. 5, *5, 6*), косой крест и свастика (рис. 5, *1–3, 8–10, 12*). Среди находок из Березова орнаментированные изделия составляют около 90 %, в то время как в Полуйском городке орнаментированных изделий не более половины, а в Надымском городке около 20 %. Соотношение орнаментированных и неорнаментированных изделий Березов-

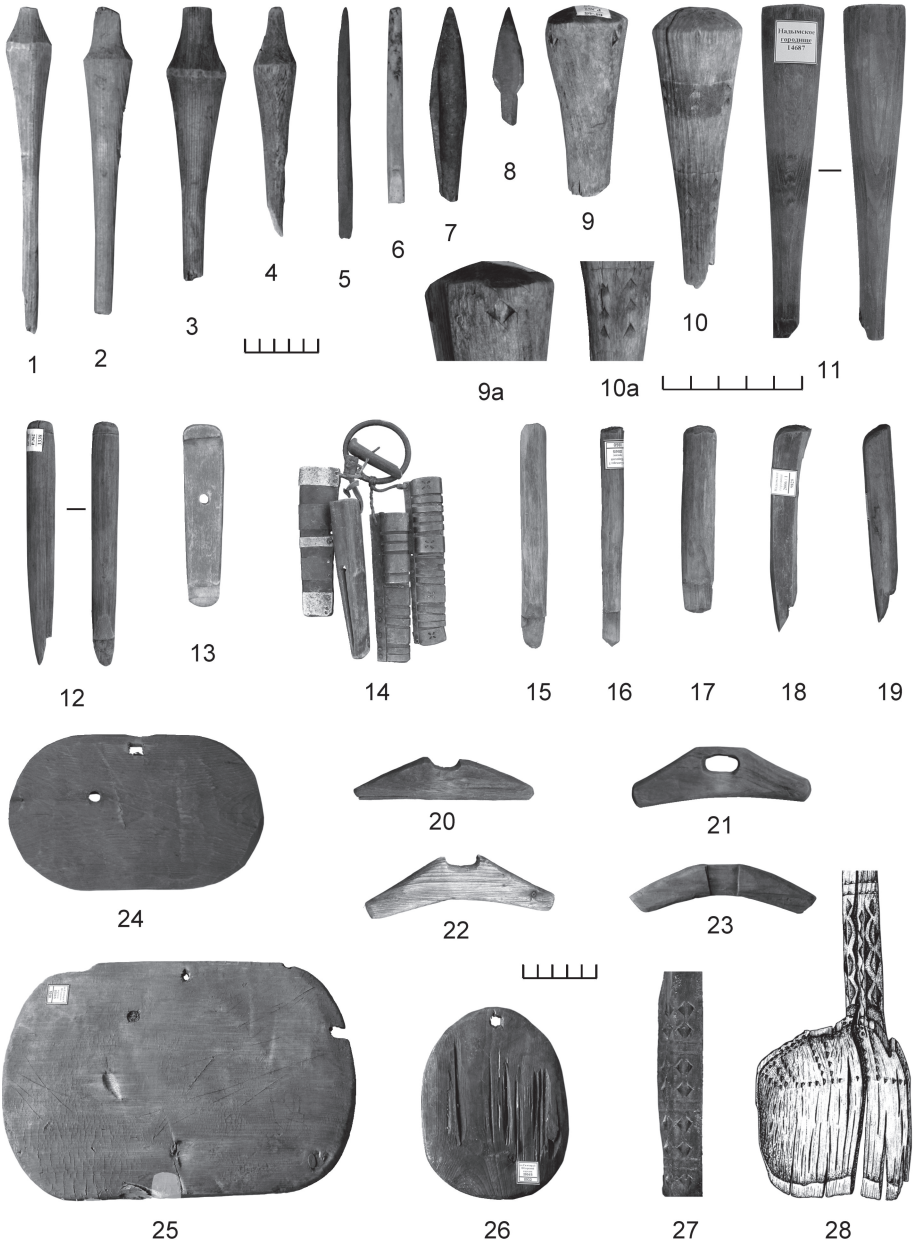

Рис. 4. Промысловые орудия и предметы быта из раскопок сибирских городов XVIII в.: 1–8 — наконечники стрел; 9–10 — наконечники томаров, украшенные черной краской и резьбой; 11 — томар, декорированный черной краской; 12, 15–19 — рукояти для заточки ножей; 13 и 14 — рукоять для заточки ножа и набор ножей обдорского князя И. И. Тайшина; 20–23 — крюки для подледных сетей; 24–26 — поплавки для сетей; 27–28 — резной декор котловых ложек (1–4, 9–11, 20–28 — дерево; 5–8 — кость; 12–19 — железо)
1–10, 12, 20, 22, 24 — Березовское городище, раскоп № 2; 11, 15–17, 28 — Надымский городок; 18–19, 21, 23, 25–27 — Полуйский городок

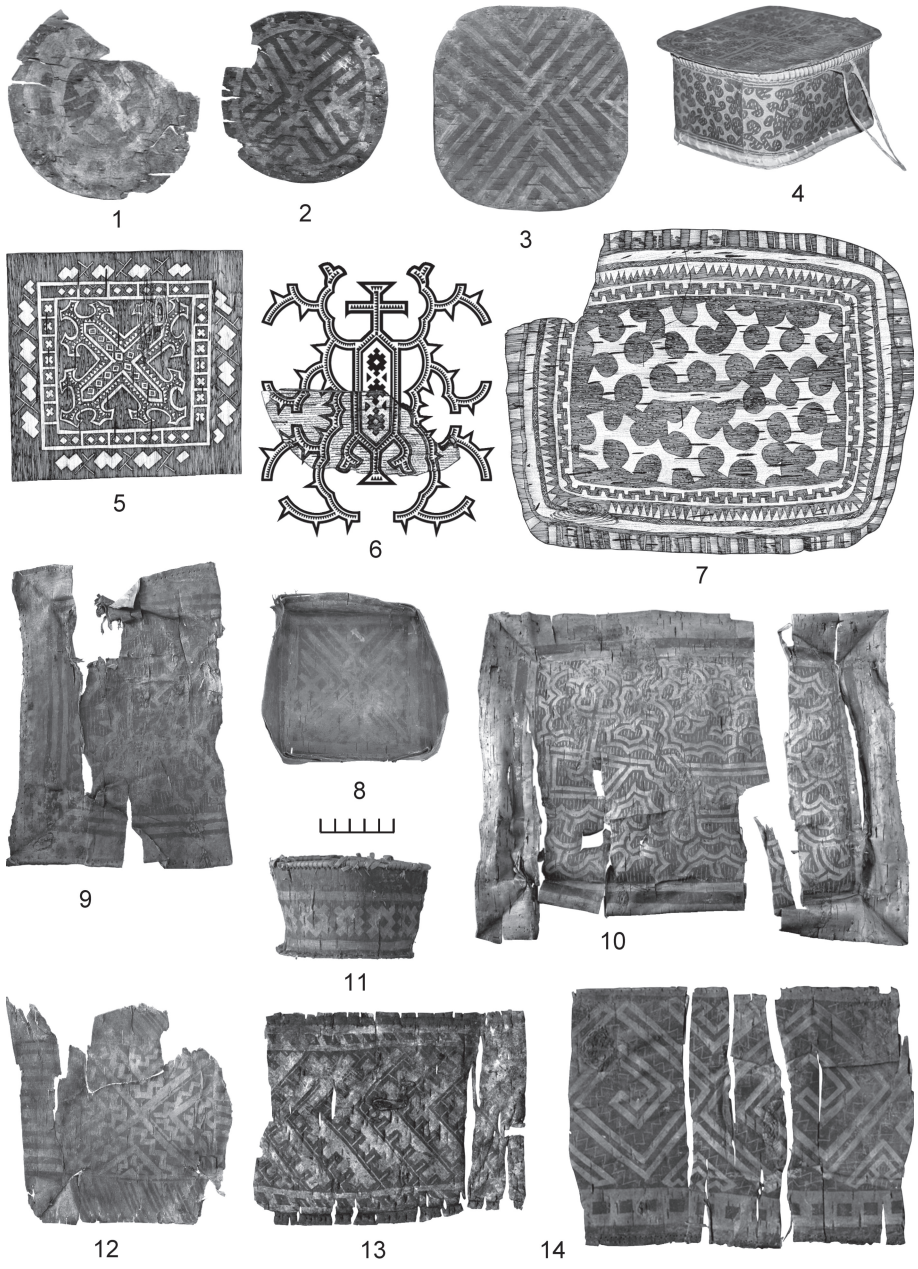

Рис. 5. Берестяная посуда из раскопок сибирских городов XVIII в.: 1–3 — крышки цилиндрических коробов; 4, 7 — короб и крышка короба для швейных принадлежностей; 5–6, 8–10, 12 — корытца и фрагмент корытца с орнаментом в виде косого креста и сюжетным рисунком; 11, 13–14 — стенки цилиндрических коробов 1–3, 7, 11, 13–14 — Березовское городище, раскоп № 2; 4 — пос. Корлики (Ваховские ханты); 6 — Надымский городок; 8–10, 12 — Полуйский городок

ского городища, возможно, связано с особым статусом владельцев усадьбы, исследованной раскопками.

Средства передвижения представлены фрагментами и деталями традиционных видов транспорта, бытующих до сих пор в культуре коренных народов Северо-Западной Сибири. Оленный транспорт представлен копыльями, перекладинами нартовой корзины и деталями упряжи (рис. 6, *1–3*). Лыжи относятся к типу голиц (рис. 6, *30*). Водный транспорт, судя по найденным перекладинам лодок и деталями весел (рукояти), соотносится с обласом. Все эти изделия находят прямые аналогии в вещевых комплексах Нижнего Приобья (рис. 6, *4–12, 17, 20, 25, 26, 31, 32*). Исключение составляют копылья, которые хотя и относятся к таежному варианту косокопыльных нарт, имеют особенность — округлая втулка копыльев для крепление перекладины (рис. 6, *22–24*). Это сближает их с русскими прямокопыльными ручными и собачьими нартами (Визгалов, Пархимович 2008а: 71–72, рис. 101). Их можно рассматривать как вариант развития собственной формы с заимствованными от русских нарт копыльями (рис. 6, *27–29*).

Среди материалов, полученных при раскопках усадьбы, имеется ряд предметов, которые отнесены к категории игрушек. Это определение достаточно условно, поскольку грань между вотивными моделями нарт, луков, стрел, ножей, изображений и собственно детскими игрушками достоверно не устанавливается. Кроме того, модели, предназначенные оберегать детей, наверняка могли использоваться ими как игрушки.

В вещевом комплексе усадьбы присутствует группа моделей луков и стрел (рис. 7, *1–4, 14–16, 17–21*). В составе стрел, среди основного типа конических томаров имеется четыре четырехгранных с насечками на ребрах — «резными», а в одном случае со знаком на плоскости (рис. 7, *2*). Аналогии таким наконечникам имеются в полуйской и надымской коллекциях игрушечных стрел (рис. 7, *5–12*). Учитывая аэродинамику, вряд ли такую форму наконечника стрелы можно назвать утилитарной. Тем не менее среди надымских материалов один подобный наконечник с костяным утяжелителем имеется (Кардаш 2009: 148, рис. 3.15, *5*). Наличие на нем орнамента, вероятно, свидетельствует об особом статусе предмета (рис. 7, *13*).

Изображения животных в традиционной культуре также имели как сакральное, так и утилитарное значение. В коллекции из раскопок березовского посада имеется четыре плоских (контурных) и два объемных изображения животных (рис. 7, *26–27, 30, 31, 34, 35*), стилистически близкие надымским и полуйским изображениям (рис. 7, *28, 29, 32, 33, 36–38*). Несколько фрагментов и деталей изделий нами отнесены к моделям нарт для девочек, представленных в материалах раскопок нижнеобских памятников (рис. 7, *39–43*). Такие игрушки до настоящего времени бытуют в традиционной культуре северных ханты и ненцев.

Культовые и ритуальные предметы, связанные как с традиционным культом, так и с христианским, также имеются в числе вещей раскопа № 2. Среди находок три изделия, имитирующие христианские иконы, но в очень стран-

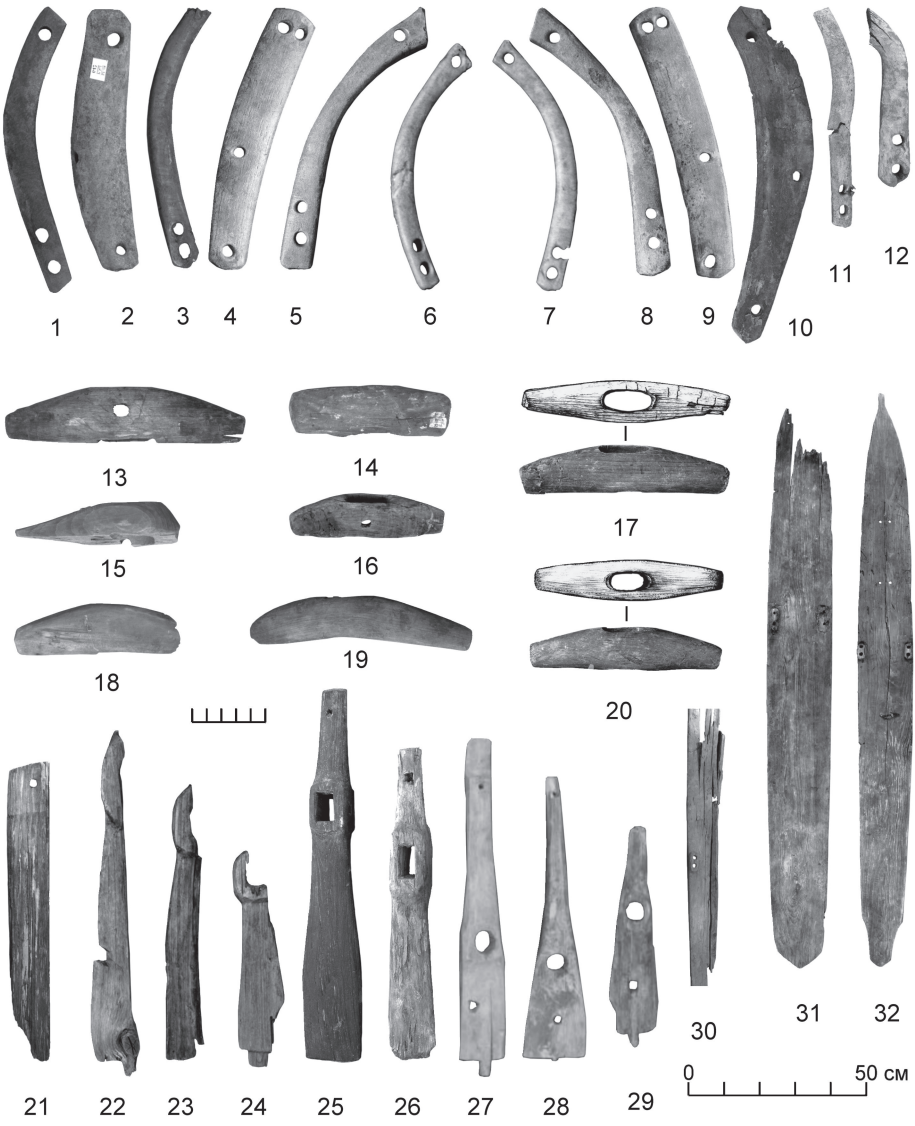

Рис. 6. Детали оленьей упряжи и средств передвижения из раскопок сибирских городов XVIII в.: 1–12 — налобные и нащечные пластины (4, 9; 5, 8; 6–7 — комплекты); 13–20 — навершия рукоятей весел; 21 — фрагмент перекладины обласа; 22–29 — копылья и фрагменты копыльев нарт; 30–32 — лыжи–голицы (1–12 — рог; 13–32 — дерево) 1–3, 14–19, 21, 23–24, 30 — Березовское городище, раскоп № 2; 5–8, 17, 20, 31–32 — Надымский городок; 11–12, 25–26 — Полуйский городок; 27–28 — Мангазея

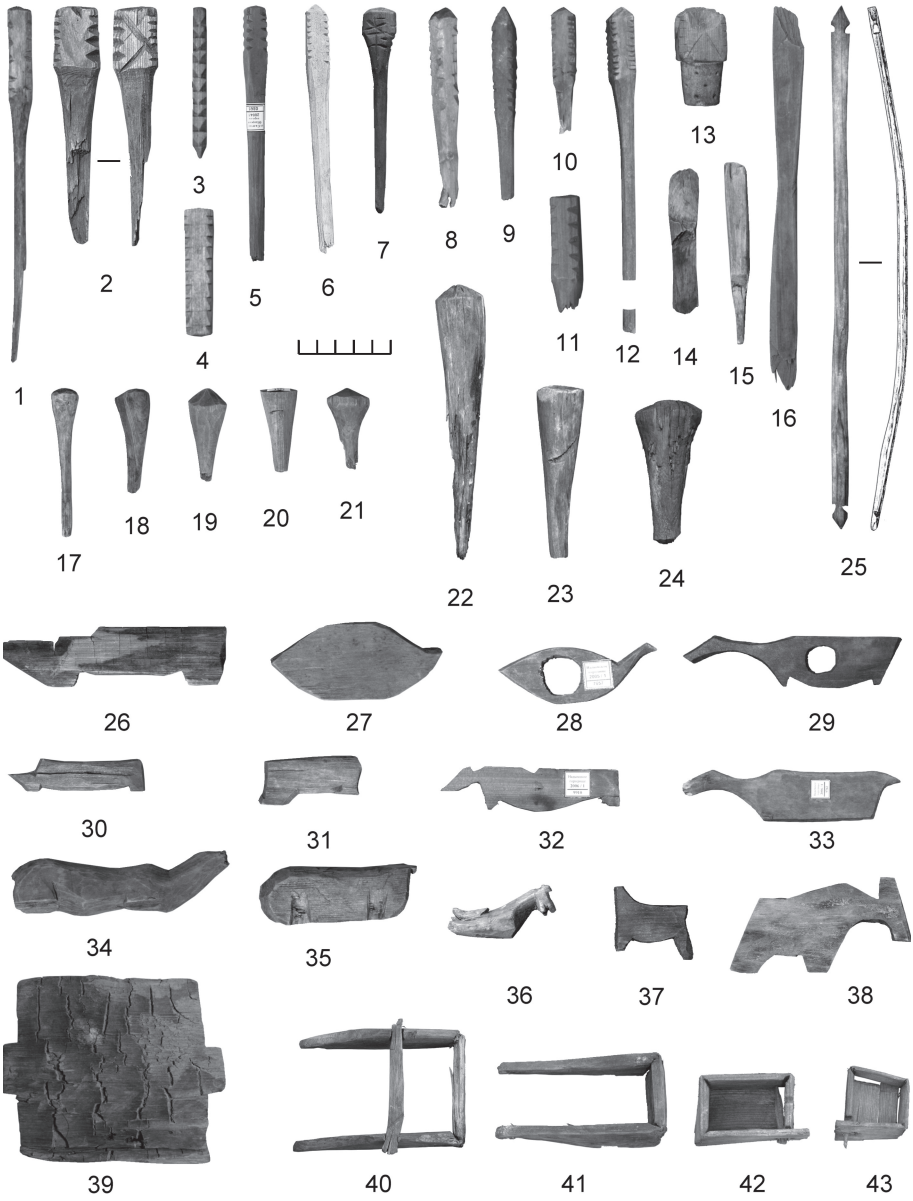

Рис. 7. Детские деревянные игрушки и модели из раскопок сибирских городов XVIII в.: 1–12 — стрелы из дерева с нарезками на наконечниках; 13–21 — наконечники томары; 22–24 — фрагменты луков; 25 — лук; 26–38 — фигурки животных; 39–43 — фрагменты нарт и «ящиков» (части игры для девочек) 1–4, 8–12, 14–16, 18–19, 22–24, 27–28, 30–31, 35–37, 40 — Березовское городище, раскоп № 2; 5–7, 29, 32–34, 41–43 — Полуйский городок; 13, 19–21, 25, 38–39 — Надымский городок

ной манере (рис. 8, *1–3*). В синхронных коллекциях русских памятников Севера Сибири (таких как Мангазея, Старотуруханск, Алазейский и Стадухинский остроги) подобные изделия не известны (Визгалов, Пархимович 2008а; Визгалов 2010а; Алексеев 1996). Возможно, мы имеем дело с неким вариантом адаптации аборигенным населением христианских культовых атрибутов.

Другие изделия вписываются в круг известных нам по нижнеобским коллекциям предметов, применявшихся в традиционных ритуалах (Кардаш 2009: 190–194, рис. 3.75, 3.81, 3.82). В частности, это фрагмент посоха свата и дощечки для окуривания (рис. 8, *6–8*). Возможно, такие вещи менее всего противоречили новообретенной христианской религии.

Как видно из представленного выше обзора предметов вещевого комплекса усадьбы, исследованной раскопом № 2, многие из изделий морфологически идентичны предметам таких памятников, как Надымский и Полуйский (Обдорский) городки. Это дает основание соотносить жителей усадьбы с представителями аборигенного населения Севера Западной Сибири.

Каким образом в русском уездном городе в центре некогда укрепленного посада появилась усадьба, населенная коренными жителями, поможет раскрыть обращение к документальным источникам.

Сохранилась челобитная кодского князя Игичея Алачева 1599 г., который, будучи в Москве, жаловался на Ивана Змеева, бывшего письменным головой при березовских воеводах в 1593–1594 гг. (Вершинин 1998: 151). Суть претензий заключалась в том, что Игичей Алачев купил «в Березове за 20 руб. двор у Ивана Змеева. А другой двор купил у Воейкова детям и людям своим, тоже за 20 руб. И на одном дворе ставятся на постой письменные головы и дети боярские самовольством» (СПбОА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 16, л. 122 об.). Он просил освободить купленные им дворы от постояльцев, на что в Москве было принято положительное решение. Из документа следует, что практически с основания города Игичей Алачев имел собственную резиденцию в городе Березове и двор для своей свиты. Поскольку сам он и его люди постоянно не проживали в усадьбах, их использовали для размещения служилые люди. Мы не идентифицируем усадьбу, исследованную раскопом № 2, как алачевскую, поскольку она возникла минимум на сто лет позже, но этот факт дает основание предполагать, что и другие аборигенные князья могли иметь в Березове в разное время свои резиденции. Думается, что особо актуально было иметь такие апартаменты представителям аборигенной знати, приезжавшим из самых удаленных волостей Березовского уезда.

С середины XVII по XIX в. в состав Березовского уезда входило восемь ясачных волостей (Долгих 1960: 64–76). Каждая из волостей представляла собой объединение нескольких территориальных общин, возглавляемых «князцом». Березовским воеводам для своевременной и полноценной сдачи ясака в государеву казну приходилось выстраивать отношения со всеми волостными вождями, причем методы воздействия на «князцов» не всегда были карательными. Обдорская волость, охватывающая территорию Нижней Оби, была из них самой обширной и удаленной и в этой связи малоконтролируемой.

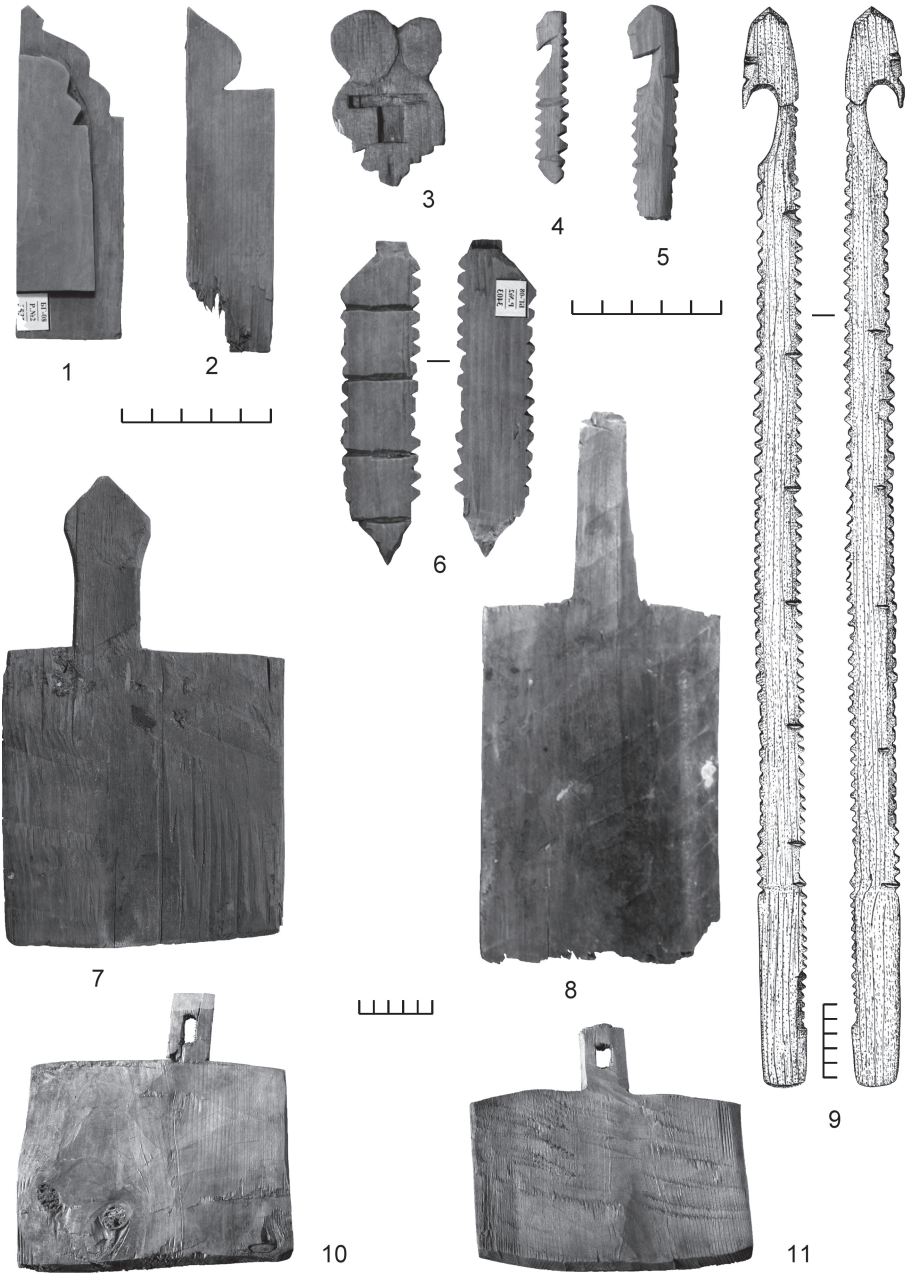

Рис. 8. Культовые и ритуальные деревянные предметы из раскопок сибирских городов XVIII в.: 1–3 — изображения православных икон; 4–6, 9 — посох и фрагменты посоха свата; 7–8, 10–11 — дощечки для ритуального окуривания
1–3, 6–8 — Березовское городище, раскоп № 2; 4–5 — Надымский городок;
10–11 — Полуйский городок

По документальным источникам XVII в. известно, что для обеспечения регулярной уплаты ясака в казну сибирские воеводы брали из числа местной знати заложников–аманатов: «И по его, Якова Никитича, веленью он, Алексей, с ратными людьми перехватал карачейской самояди в оманаты лутчих людей самых, князцов четырех человек, Большие Карачейские земли лутчево князца Пося Хулеева с товарищи. И ныне те самояцкие лутчие князцы аманаты на Березове городе сидят за крепкими караулы» (РГАДА, ф. 214, стб. 1056, ч. 1, л. 15–18). Из другого документа следует, что заложников содержали в тюрьме. В этой связи была написана жалоба, на которую последовала царская грамота: «тех самоядцких аманатов ... держать на Березове до нашего указу за приставы у детей боярских и у атаманов и у казаков помесечно и понедельно, потому что на Березове аманатцкого двора нет, а в тюрьме им сидеть скучно и нужно» (РГАДА, ф. 214, стб. 408, л. 390–392).

Таким образом, проживание в XVII в. в Березове жителей Надымского Полуйского (Обдорского) городка имеет документальные подтверждения. До середины XVII в. аманаты содержались в тюрьме и, судя по документу, позднее — в казенных домах служилых людей. Возможно, это обстоятельство поспособствовало созданию аманатского двора. Не исключено, что для него были приспособлены казенные дома или усадьбы в центре укрепленного посада.

Судя по всему, после упразднения института аманатства в XVIII–XIX вв. казенные дома продолжали использоваться аборигенами. В 1714 г. в Березове «в Сосьве как в Иордане» был крещен обдорский князь Тайша Гындин с семьей, получивший имя Алексей и фамилию Тайшин (Абрамов 1851: 15; 1857: 336). Правда, это не способствовало крещению северных остяков и самоедов, однако он, как и его предки, получил жалованную грамоту на княжение, сбор ясака и доставку его в Березов (Перевалова 2000: 153–154). Впоследствии такие грамоты получали все Тайшины. В 1742 г. в Тобольске был крещен Василий Тайшин (Абрамов 1857: 336). Этот факт неоднозначно воспринимался подданными, но, принявши христианство, Тайшины оставались приверженцами традиционной религии и до конца XIX в. в регионе действия миссионеров не имели ощутимых успехов (Шемановский 2005). Российская администрация относилась к двоеверию князя снисходительно, поскольку он имел большое влияние на подчиненных ему остяков и самоедов и обеспечивал сдачу ясака (Перевалова 2000: 167–174). По мнению Е. В. Переваловой, доставка ясака в Березов самолично считалась обдорскими князьями и их подданными не просто обязанностью, но и священной миссией (Там же). Возможно, эта важная государственная функция давала им право иметь собственный казенный двор в Березове или приобрести таковой для себя и для своей свиты, как это сделал ранее кодский князь Игичей Алачев.

Итак, из ряда документальных источников XVII в. нам известно, что обдорские князья Тайшины имели тесные связи как с надымскими остяками, так и с вождями карачейских самоедов. На наш взгляд, это вполне могло отразиться в их материальной культуре, что подтверждается результатами раскопок Полуйского и Надымского городков.

Анализ археологических материалов раскопа № 2 Березовского городища позволяет сделать вывод о существовании на посаде города Березова в XVIII в. усадьбы, принадлежавшей аборигенной знати. Нам представляется вполне вероятным, что раскопанная в 2008 г. усадьба могла служить представительством обдорских князей Тайшиных. Разумеется, этот вывод остается гипотетичным. Но в любом случае результаты раскопок свидетельствуют о высоком уровне интеграции аборигенного и русского населения региона в XVIII в.

Абрамов 1851 — *Абрамов Н.* О введении христианства у березовских остяков // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1851. Ч. 72, отд. 5. С. 1–22.

Абрамов 1857 — *Абрамов Н. А.* Описание Березовского края // Записки РГО. СПб., 1857. Кн. 12.

Алексеев 1996 — *Алексеев А. Н.* Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на северо-востоке Якутии. Новосибирск, 1996.

Андреев 1940 — *Андреев А. И.* Заметки по исторической географии Сибири XVI–XVII вв. // Известия Всесоюзного географического общества. М.; Л., 1940. Т. 72, вып. 2.

Брусницина 2003 — *Брусницина А. Г.* Городище Усть-Войкарское: Начало изучения // Угры: Материалы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, 2003.

Брусницина *2*005 — *Брусницина А. Г.* Войкарский городок в XV–XIX вв. (по результатам раскопок 2003 и 2004 гг.) // Ямал между прошлым и будущим: приоритеты развития: Материалы Всероссийской науч. конф. «Ямал: история, историография, краведение» (Салехард, апрель 2005 г.). Екатеринбург; Салехард, 2005.

Вершинин 1998 — *Вершинин Е. В.* Воеводское управление в Сибири (XVII в.). Екатеринбург, 1998.

Визгалов 2006 — *Визгалов Г. П.* Отчет о научно-исследовательской работе «Археологические исследования в поселке Березово». Нефтеюганск, 2006 // Архив «НПО Северная археология». № 250.

Визгалов *2*007 — *Визгалов Г. П.* Отчет о научно-исследовательской работе: Охранно-спасательные работы на археологическом слое ПГТ Березово. Нефтеюганск, 2007. Т. 1–2 // Архив «НПО Северная археология». № 230/1–2.

Визгалов 2010а — *Визгалов Г. П.* Археологические исследования Старотуруханского городища (Новой Мангазеи) // Краеугольный камень: Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. М., 2010. Т. 1. С. 150–154.

Визгалов *2*010б — *Визгалов Г. П.* Отчет о научно-исследовательской работе: Проведение аварийно-спасательных археологических работ на культурном слое исторического поселения Березово. Нефтеюганск, 2010. Т. 2, кн. 1–2 // Архив «НПО Северная археология». № 303/2–3.

Визгалов, Пархимович 2008а — *Визгалов Г. П., Пархимович С. Г.* Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск, 2008.

Визгалов, Пархимович 2008б — *Визгалов Г. П., Пархимович С. Г.* Археологические исследования Березовского городища // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2008. С. 166–178.

Долгих 1960 — *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. М., 1960. Т. 40.

История ХМАО... 1999 — История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней. Екатеринбург, 1999.

Кардаш 2003а — *Кардаш О. В.* Отчет о научно-исследовательской работе: Выявление и обследование традиционных жилых построек в поселке Горнокнязевск Приуральского района

Ямало-Ненецкого автономного округа: Историко-архитектурные исследования. Нефтеюганск, 2003 // Архив «НПО Северная археология». № 96/1–3.

Кардаш 2003б — *Кардаш О. В.* Отчет о научно-исследовательской работе: Историко-искусствоведческое исследование изобразительного творчества в культуре коренных народов Западной Сибири. (Для Сургутского городского художественного музея СГХМ). Нефтеюганск, 2003 // Архив «НПО Северная археология». № 54.

Кардаш 2005а — *Кардаш О. В.* Отчет о научно-исследовательской работе: Археологические раскопки стоянки Салехард 1 (Обдорский городок), планируемой под строительство архитектурного ансамбля «Город мастеров» в 2004 г. Нефтеюганск. 2005 // Архив «НПО Северная археология». № 135.

Кардаш 2005б — *Кардаш О. В.* Раскопки стоянки Салехард 1 в 1946 и 2004 гг. // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Материалы XIII Западно-Сибирской археолого-этнографической конф. Томск, 2005.

Кардаш 2006 — *Кардаш О. В.* Отчет о научно-исследовательской работе: Аварийные археологические раскопки стоянки Салехард 1 (Обдорский городок) летом 2005 г. Нефтеюганск, 2006 // Архив «НПО Северная археология». № 159.

Кардаш 2008 — *Кардаш О. В.* Отчет о научно-исследовательской работе: Комплексное изучение городища Бухта Находка в 2007 г. Нефтеюганск, 2008 // Архив «НПО Северная археология». № 177.

Кардаш 2009 — *Кардаш О. В.* Надымский городок в конце XVI–первой трети XVIII в.: История и материальная культура. Екатеринбург; Нефтеюганск, 2009.

Кулемзин, Лукина 1977 — *Кулемзин В. М., Лукина Н. В.* Васюгано-Ваховские ханты в конце XIX–начале XX в.: Этнографические очерки. Томск, 1977.

Мартин 2004 — *Мартин Ф. Р.* Сибирика. Некоторые сведения о первобытной истории и культуре сибирских народов. Екатеринбург; Сургут, 2004.

Миллер 2005 — *Миллер Г. Ф.* История Сибири. 3-е изд. М., 2005. Т. 1.

Миненко 1975 — *Миненко Н. А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII–первой половине XIX в. Новосибирск, 1975.

Описание... 1982 — Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982.

Перевалова 2000 — *Перевалова Е. В.* Обдорские князья Тайшины: историко-этнографический очерк // Древности Ямала. Екатеринбург; Салехард, 2000. Вып. 1.

Резун 1981 — *Резун Д. Я.* К истории «поставления» городов и острогов в Сибири // Сибирские города XVII–начала XX в. Новосибирск, 1981.

Резун, Васильевский 1989 — *Резун Д. Я., Васильевский Р. С.* Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989.

Сирелиус 2001 — *Сирелиус У. Т.* Путешествие к хантам. Томск, 2001.

Солодкин 2004 — *Солодкин Я. Г.* Когда был заложен Березов? // Сибирский исторический журнал. Тюмень, 2004. № 1.

Федорова 2004 — *Федорова Н. В.* Городище Усть-Войкарское (Войкарский Городок) // Проблемы межэтнического взаимодействия в Сибири. Новосибирск, 2004. Вып. 2.

Федорова 2006 — *Федорова Н. В.* Войкарский Городок: Итоги раскопок 2003–2005 гг. // Научный вестник. Салехард, 2006. Вып. № 4 (41): Науч.-практ. конф. «Обдория: история, культура, современность».

Шашков 2003 — *Шашков А. Т.* Славен град Березов! // Родина. М., 2003. № 7.

Шемановский 2005 — *Шемановский И. С.* Избранные труды (текст) / Сост. Л. Ф. Липатова. М., 2005.

Janko 2000 — *Janko J.* Utazas Osztjakfoldre, 1898. Budapest, 2000.

СПбОА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 16.

РГАДА, ф. 214, стб. 408: Царская грамота из Москвы в Березов об аманатах из карачейских самоедов. 1652 г., 5 апреля; стб. 1056, ч. 1: Челобитная остяков Березовского уезда (в том числе

Надымского городка) об освобождении князца Пося Хулеева и других аманатов, захваченных у карачейских самоедов. 1652 г., 16 февраля; оп. 1, ч. 8, д. 6046: Расписной список г. Березова. 1750 г.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 21694.

ETHNIC IDENTIFICATION OF THE XVIII CENTURY URBAN POPULATION IN SIBERIA: A TRIAL (with special reference to 2008 excavations at the town of Berezov)

G. P. Vizgalov, O. V. Kardash

Berezov is one of the oldest Russian towns in the north of West Siberia. It was founded in 1592–1593 on the bank of the Ob' river near the mouth of the Sos'va river by a Cossack detachment headed by N. V. Trahaniotov. For the next 300 years it has served as an administrative centre of a vast area, which included the Lower Ob' basin. The excavations carried out in 2008 exposed remains of a manor, whose buildings find analogies in the Ostyak quarter of the Nadymskiy townlet. The inventory of the manor is generally analogous to that of the Nadymskiy and Poluiskiy townlets, suggesting that the manor was inhabited by representatives of the aboriginal population of the north of West Siberia. It is possible to suppose that the newly discovered manor was a residence of the Taishins — a local knyaz family.